

ВладиМир

**ДОБРЫЕ ОТВЕТЫ
НА ЗЛОБУ ДНЯ**

Москва
Издатель Воробьёв А.В.
2007

СОДЕРЖАНИЕ

О смертной казни

4

ТЫ и ВЫ

20

Это он — Эдичка

23

Ответ поэту, презревшему Мудрость

37

Критика догматики

евангельских христиан-баптистов

42

О смертной казни

Нужна ли высшая мера наказания? Человеческий рассудок не может иметь более двух ответов на этот вопрос и говорит либо "да" смертной казни, либо "нет". Причём в пользу каждого ответа приводятся довольно веские аргументы.

Смертная казнь должна быть, она есть, она была и будет. Наличие смертной казни является сдерживающим фактором в посягательстве на жизнь человека, и коль скоро последняя обладает абсолютной ценностью, то и мера наказания за преднамеренное убийство, во исполнение справедливости, должна быть абсолютной. Закон, данный Богом Моисею, который требует смерть за смерть (Лев 24:17), душу за душу

(Втор 19:21), не есть ли Волеизъявление Разума? Сохранить жизнь человеку, деградировавшему до состояния убийцы, — это значит способствовать умножению и рецидиву самого тяжкого преступления.

Однако никакая система вынесения смертных приговоров не свободна от судебной ошибки (в данном случае неоправимой), от субъективизма и предвзятости. Вынесение смертного приговора может быть результатом личного ожесточения судей, политических репрессий, финансовой незащищённости, негативного отношения к этническим меньшинствам. Нет смертной казни без моральной и физической пытки. Невозможно найти способ исполнения казни, который не был бы жестоким, негуманным и унижительным. За умышленное убийство предусмотрена смертная казнь. Но никакое убийство не является более преднамеренным и более

хладнокровным, чем исполнение смертной казни государством, которое, между прочим, лишний раз показывает, что имеет безграничную власть над человеком. Осуществление высшей меры наказания невозможно без палача и врача, но первому свойственно делать промахи, а функция второго постыдна и не отвечает не только призванию, но и названию врачавателя.

В понятие "наказывающий" обязательно включается понятие "воспитатель", но палач и воспитатель в одном лице — абсурд. Нравственно лишь то наказание, которое не ограничивается возмездием, а исправляет преступника. Но в случае смертной казни, предающей негации не только преступное умонастроение, но и его носителя, исключается сама возможность исправления. А что касается рецидива убийства, то политика применения самой суровой санкции в правовой системе не

может быть основана лишь на том несомненном факте, что мёртвые не способны совершать преступлений. Аргумент же в пользу идеи возмездия часто оказывается не чем иным, как желанием мести, маскируемым принципом справедливости. К смертной казни могут прибегнуть в стремлении укрепить государственную власть. Количественный подход, являющийся необходимым в вынесении смертного приговора, есть нонсенс, от которого невозможно избавиться, разве только вместе со смертной казнью. За 15 граммов героина определяют высшую меру наказания, а за 14,5 — нет. За одно и то же преступление одного убийцу казнят, потому что ему ровно 18 лет, а другого не казнят, потому что ему немного недостаёт до 18, хотя он мог быть главным в деле убийства. Вообще, определять зрелость сознания по календарю абсурдно.

Появление насильственных государственных режимов, прокладывающих путь к власти через массовое уничтожение политических противников, в значительной мере обеспечивалось традиционным сознанием граждан, в принципе допускающих смертную казнь.

Всё это говорит "нет" смертной казни.

Но как же быть с Библейским Законом, о котором многократно сказано, что он — установление вечное? Божественный **Разум**, остающийся неизменным во веки веков (Чис 23:19), даёт третий, синтезирующий ответ на проблему смертной казни: "да" в форме "нет", — примиряя тем самым свои противоположные моменты, которые человеческий **рассудок** сталкивает, раскалываясь в себе самом на тезисное и анти-тезисное положения, что ведёт мир в целом

к шизофрении^{*}, несмотря на то, что каждая сторона имеет свой резон. Разумный синтез состоит в том, что человекоубийца обязательно предаётся смерти, которая, однако, не касается его храмины. Негации подлежит его ветхая душа, но сохраняется его тело. Преступник изолируется от общества и пребывает в одиночном заключении до тех пор, пока он не пройдёт покаяние, по глубине соответствующее перерождению, т.е. пока он не прочувствует сказанное Апостолом: "я умер, а грех ожил" (Рим 7:9,10). Искреннее раскаяние будет очевидным не только для опытного Духовника, берущего на себя ответственность за освобождение осуждённого, но и для всех людей. Поскольку человек — явление общественное, то полная изоляция от общества смерти подобна. Таким образом, в любом случае — при наличии покаяния и

* По-греч. "раскол ума".

отсутствии такового — исполняется смертный приговор, но, вместе с тем, торжествует Новозаветное Учение, Учение всепрощения, которое получает, конечно же, лишь тот, кто раскаялся = погубил с в о ю душу (Лк 17:33). Нет такой глубины человеческого падения, из которого не вывел бы Господь, такого человеческого греха, который бы Он не простил при твёрдом и искреннем желании грешника не возвращаться к прежним делам. Поэтому Христос говорит блуднице, которую прощает без рассуждательства и сроков: "иди и впредь не греши" (Ин 8:11).

Ветхий Завет ведёт к смерти, Новый — дарует Жизнь, но отбросить Ветхий Завет — значит отбросить смерть в Боге, стать врагом креста Христова (Флп 3:18). Только Третье есть Полнота: Единство Ветхого Завета (Закон) и Нового (Благодать) — Троиное Слово. Нельзя

быть в Истине, не умерев (в старом качестве), и в то же время нельзя пребывать в Ней, не возродившись, ибо Она есть Жизнь (Ин 14:6). Таким образом. Истина есть Жизнь не без смерти и смерть не без Жизни. Закон Благодати гибок и упруг, т.е. твёрд и, вместе с тем, мягок. Лишь убивая в человеке убийцу, а не его тело, мы можем сказать, что вершится правосудие.

В испорченном человеческом обществе, в "мире сем" люди не задумываются, что все грешны, "нет праведного ни одного" (Рим 3:10-12), что все по первому рождению приговорены к смерти, обречены от Адама, что весь мир, таким образом, — камера смертников. Много ли найдётся людей, к которым не относятся Евангельские слова "Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца" (1Ин 3:15)? Но всем даётся время для покаяния

— и это по Богу! Это пример для решения проблемы смертной казни. Человекоубийца нарушает этот Закон, но именно этот Закон нарушает и судья в испорченном обществе, а точнее сказать, в нарушении этого Закона повинна вся общественность, которая поддерживает насильственную смерть, исключаящую возможность покаяния*.

Преступник, в некотором смысле, — не от мира сего, надмирен. Он возненавидел мир и мстит ему. Но эта ненависть — к миру вне себя, тогда как надо ненавидеть мир прежде всего в себе (1Ин 2:15). Можно также сказать, что преступник ближе к спасению, чем мирный обыватель, не имеющий нужды в покаянии, ибо в первом обнаруживается греховная сущность, которая ещё сокрыта во втором.

* Истинное покаяние = казнь ветхой души (не-спроста "покаяние" и "казнь" — этимологически одно).

И как ни парадоксально, убийца ближе всех преступников к Милости Божией. Он оказывается в такой ситуации, когда в силу наиболее тяжкого греха возникает наибольшая нужда в покаянии. (Хороший тому пример — Раскольников из известного романа Достоевского.)

Наказание только тогда отвечает своему понятию, когда оно приводит преступника к осознанию содеянного и оказывает воспитывающее воздействие на него. В задачу наказания входит уничтожение преступности, а не человека. В триаде «преступление—наказание—прощение» преступление есть отрицание Закона и исходный момент, потому что от рождения все находятся в смертном грехе; наказание есть второе отрицание как процесс; прощение или Милость есть второе отрицание как результат. Что касается смертной казни, как она осуществляется в

испорченном обществе, то она не имеет этой триады. Дело не доходит даже до полноты второго момента, включающего в себя процесс исправления.

Христос воспитывает идеей спасения от смерти, и только тот, кто задумался о смерти, обращается ко Христу. Человек, приговорённый к высшей мере наказания, как никто думает о смерти, как никто переживает пограничную ситуацию, являющуюся оптимальной для решения вопроса о смысле бытия, о назначении человека. Камера смертника, предоставляющая по возможности сродный труд, не лишённая опосредствованной связи с миром через литературу, телевидение и т.п., может явиться замечательной школой в формировании человека, ценного для общества. Неспроста Бог наделил мать такой любовью к дитяти, что она даже в преступнике-сыне, где-то в последней

инстанции его души, прозревает бесконечную ценность и никогда не согласится на его казнь. Точно так и женственно прекрасный, человеколюбивый русский народ никогда не проявлял иноземного фарисейства, морализаторски осуждающего преступников (Лк 18:11), всегда сочувственно относился к осуждённым и милость к падшим призывал. Иначе и не могло быть, коль Русь называлась Матушкой.

Только в Метаисторическом Обществе устраняется смертная казнь в её историческом варианте и отпадает проблема казни беременных и проблема возрастных пределов применения высшей меры. Гуманное обращение даже с убийцей упрочивает человеческое достоинство и облагораживает Общество в Целом.

Всё изложенное здесь рассмотрено с позиции Нравственности, т.е. Логоса,

примиряющего Закон и Сердце, включающего в Себя как в Третье, Право и Мораль. Судья же, действующий только с позиций права, отрицая преступное отрицание закона, утверждает лишь закон, лишь Ветхий Завет. Также и служитель религиозного культа, не поднимающийся до Нравственности, утверждает только мораль, а безнравственная мораль есть не более как морализм. Такой служитель сопровождает покаявшегося смертника на казнь и делает это со спокойной совестью, таким образом также оставаясь в пределах Ветхого Завета.

В последнее время много голосов раздаётся в пользу отмены смертной казни. В этом не мало заинтересованы преступные власти, боящиеся высшей меры наказания, которую они сами заслуживают вполне. Однозначное отрицание смертной казни само есть величайшее преступление,

разрушение Благодати Божией. В этом вопросе пытаются опереться на массы, которые не занимались его осмыслением и могут выразить по нему не более как мнение, а мнение, будь оно даже общественным, не есть квалифицированное знание. Сам Бог не отменяет смертной казни и проводит через неё Своего Сына, поскольку Он взял на Себя все грехи мира (Ин 1:29), а следовательно, и самый тяжкий человеческий грех.

Особо следует рассмотреть грех самоубийства. Дело в том, что любой грех, при наличии глубокого покаяния, прощается, кроме самоубийства, поскольку самоубийца сам себя лишает возможности раскаяться в содеянном. Считается, что суицид имеет только мазохистский характер, но в действительности в акте самоубийства часто присутствует садистский

элемент, а именно: досадить близким, бросить вызов Богу.

Само-убийство есть убийство, но такое, когда судья, палач, преступник и жертва — в одном лице. Самоубийцу чаще всего рассматривают как жертву, со стороны пострадавшего, и этим снова и снова дают зелёную улицу такому богопротивному социальному явлению, как наложение на себя рук.

Самоубийца является прежде всего преступником, врагом креста Христова (Флп 3:18), не желающим идти путём Спасителя, предающим Его. Конечно, в каждом конкретном случае следует почувствованно войти в положение человека, покусившегося на свою жизнь, не спешить судить. Здесь осуждается самоубийство вообще.

Христос, в отличие от Своего антипода — самоубийцы, утверждающего смерть, — смертью смерть поправил, явил пример долготерпения, дал Смысл, ради которого можно претерпеть великие муки. У самоубийцы нет Смысла, который перевесил бы любые страдания, нет у него Веры, Надежды и Любви. Будучи конечным человеком, не имеющим отношения к Вечности, само-убийца распоряжается собою как абсолютной собственностью, тогда как его личность — частная собственность (которую не должно абсолютизировать), принадлежащая также семье, Отечеству, Богу. Самоубийца убивает не только себя, но и другого в себе человека.

ТЫ и ВЫ

На наше благословенное Отечество движется атлантистская волна чуждой нам англо-саксонской культуры. Стало модным обращение *вы* решительно ко всем возрастам. Казалось бы невинная и даже цивилизованная примета *последнего времени*: полностью заменить местоимение *ты* на *вы*. Но у русских *ты* всегда означало доверительность, выражало чувство братства, общинный, вечевой дух народа. Мы даже к Богу обращаемся «на ты», что подчёркивает особенную интимность и расположение к единению. Русское **вы** означает признание почтенных возраста, должности, **индивидуальности**, тогда как английское универсальное *you* есть признак индивидуализма, безысходной

разобщённости. У англо-саксов вообще отсутствует сокровенное *ты*. Есть архаическое *thou* (тау), и то это санскритское (= русское) *ты*. До середины двадцатого века в России многие совсем незнакомые люди обращались друг к другу «брат(ок)», «сестр(иц)а». Теперь же слышишь: «гражданин», «гражданка», «мужчина», «женщина». Когда Якубович в своей «Стране дураков» обращается к дитяти «на вы», этот слащавый чуждый нам этикет, как не покажется странным, работает на разрушение наших традиций, нашего менталитета (в чём Запад немало преуспел). Для Запада русское *ты* — признак варварства и некультурности. В подтверждение того, сколь задушевым является русское *ты*, исчезнувшее у англо-саксов, хочется напомнить стихотворение Пушкина.

*Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюблённой возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с неё нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!*

Не стоит расслабляться по поводу западной «культуры» и его елейного *вы*. Сэры, мэры и пэры не ориентированы на братство ни меж собой, ни, тем более, с простым народом, от которого они ограждены «золотым занавесом». А между братьями *ты* не есть признак отсутствия культуры, напротив, *вы* является абсурдным.

Это он – Эдичка

Эпохальный писатель Эдуард Лимонов в своём автобиографическом романе назвал себя Эдичкой. И правильно сделал. Ведь уменьшительный суффикс не только умаляет, но и ласкает. И надо сказать, ласкает заслуженно. Да и умаление бывает разное. Сказано же: «Кто унизится, тот возвысится».

На нашем литературном небо-СКЛОНЕ Лимонов стал заметной звездой. Вот только литература является апокалиптической, как и вся наша эпоха, которую так мастерски отражает Эд. То есть отражает он мимолётное, преходящее, а не Вечное.

Конечно, Лимонов не просто рефлектирует действительность, ибо это было бы жалким копированием, что недостойно настоящего художника, но отражает сущность «мира сего», т.е. изображает действительность, преломив её через себя.

Но есть действительность и Действительность, сущность и Сущность, и здесь, как говорит Г. Сковорода, надо уметь считать до двух.

Самая беспощадная и правдивая критика, самое активное разрушение старого ещё не есть Истина, ибо таковая не сводится к критицизму и негации, а является прежде всего конструктивным Началом. Лимонову-художнику не обязательно знать о конструктивном Начале Новой Руси (хотя без этого он скатится до

эп^{*}-охального писателя), но Лимонову, выступающему в качестве общественного деятеля, притязающего на роль национального Лидера, это необходимо. Знает ли он Тайну Возрождения Руси?

Эдичка Лимонов – фигура неоднозначная, поэтому возникли такие разноречивые суждения о нём. Можно смело сказать: перед нами великий ЗЕМЛЯК с недюжинным ТЕЛЛУРИЧЕСКИМ даром. Это только по первому впечатлению он маленький (Эдичка), по внутреннему человеку он — гигант. В писательской среде *последнего времени* он — циклоп среди пигмеев и, в лучшем случае, голиафов.

Лимонов безусловно талантливый писатель и даже новатор в литературе. В его лапидарном слогe нет витиеватости,

* επ(1) по греч. означает «сверх».

погони за красным словцом и эстетства. Говорит он глубоко пережитое, прочувствованное и говорит, сразу приступая к делу, самую суть.

Очевидно, он вносит в прозу свой поэтический дар: краткость, чеканность, ёмкость, отточенность слова. Особенно это проявилось в его книге «Это я — Эдичка». Здесь он был наиболее требователен и даже беспощаден не только по отношению ко всем, но и к себе.

У Лимонова литературный герой — это не просто тот, кто входит в литературу и живёт только в ней, но и тот, кто сходит с литературных страниц, окунаясь в кипучую действительность. Но досадно то, что Лимонов постепенно становится на путь суицидного настроения в смысле роста писательского мастерства. Дело в том, что стремление Эдички быть у всех на виду,

стать как можно скорее **общеизвестным**, нелюбовь к «кабинетной тиши» переориентировала его энергию с писательского труда на политику. В этом он принципиально различился с Достоевским, который из политика стал писателем, причём **общепризнанным**. Если при Совдепии искусство было политизированным, то теперь политика стала эстетизированной, и наш любящий словесность политик стал велеречиво призывать к терроризму, тогда как настоящие террористы больше молчали и больше делали. Главным символом у писателя-ПОЛИТИКА становится газетная ГРАНАТА, главным лозунгом — «Смерть — да!». Смерть воспринимается как высший идеал. И действительно, должно любить сметь. Но здесь диалектика: любить смерть — значит её презреть, ради Жизни с большой буквы. «Никто не оживёт, аще не умрёт». Эдичка

глушит «Лимонками» рыбу в обывательском болоте, которое хочет длить свою затхлую, рутинную жизнь, но знает ли он, что такое Высший Социум? Не есть ли он просто ПРЕДЕЛЬНОЕ выражение первой фазы Коммунизма, её КОНЕЦ, и хуже того — порочный круг?

Харьковский хулиган, глобальный революционер, поэт-публицист-эссеист-романист-политолог-государствовед-социолог Лимонов активно подвизается, как он полагает, на путях строительства «Другой России», Царства правды, и следует признать, что из рождённых жёнами не восставал больший активист. Но не будет ли наименьший в Царствии больше его?

Наделённый исключительной наблюдательностью, аналитическим умом и болью о Родине, знает ли он её судьбу,

каковая раскрывается через постижение её глубинных процессов, протекающих по законам становления Соборной Руси, через откровение её сакральных начал, её противоречивой природы? Поднять такую махину как Россия, поставить её на стезю постапокалиптического = Метаисторического Обновления может только Тот, Кто вооружён Пророческим Духом, а не тот, кто является возглавителем какой-либо партии или движения, не идущего далее пред-Исторического опыта и одностороннего, циклопического (= рассудочного, а не Разумного) видения.

Наш воинствующий писатель догадывается, что мировая история идёт к своему концу. Он правильно определяет человеческое сообщество как псих-больницу, где обитают тихопомешанные. Себя же он, надо думать, относит к разряду буйных. Но часто буйный — это тоже

помешанный. Утешает то, что таковой имеет большой шанс для исцеления, если, конечно, он не растратит свою энергию на переустройство психбольницы и не превратится в **выжатый лимон**. Да и вообще, буйных в наше апокалиптическое время «медбратья» (по Лимонову — *силовики*) «лечат» в первую очередь. Нужно работать под тихого (по гамлетовски)... до поры.

Лимонов — мастер художественного слова, но ему очень хочется быть человеком «прямого действия». Здесь ему не обойтись без служителей Русской Идеи, обладающих Духовным Опытом. Взыщет ли он таковых на Руси и приклонит ли к ним своё ухо? Если нет — все его усилия останутся в пределах пред-Истории.

Автор «Эдички» правильно считает, что революция должна быть не только

социальной, но и НАЦИОНАЛЬНОЙ. Если бы он ещё к тому добавил, что она должна быть прежде всего ДУХОВНОЙ, т.е. революцией в сознании, и зиждиться не на интуиции, эмоциях и митинговой демократии, а на Разуме и кропотливой работе по формированию Русского Совета Старейшин. Без этого Эдичка не сможет сотворить ничего, кроме «перманентной» наци-ональной революции.

Герой нашего времени Лимонов взял на себя множество грехов, но не идёт крестным путём. Написав «Анатомию героя», он не знает, что такое Герой, испытавший Духовную анатомию = рассечение, сораспятие Христу, разделение в себе. Эдичка составляет с собой первоначальное, неразличенное единство, тогда как Вождь Второй Руси есть Высшее Единство с Собой, предполагающее различие, разделение со своим ветхим

человеком. Ветхозаветный козёл отпущения тоже берёт на себя грехи, но уходит, как написано, в неизвестность. Наш герой занят деструкцией ветхого мира не в себе, а вне себя, меж тем как апокалипсис уже в действии. Весь мир насилия разрушается до основания сам собой, и настало время всю энергию направить на созидание Нового (пока Внутреннего) Социума, причём мирным путём. И если коммунисты-расстриги предлагают строить его без революции и без крови (парламентским способом), национал-большевики посредством революции и крови, то Духовная Элита строит его из себя как нечто радикально Новое, т.е. революционное и бескровное. Это и есть Второе Глобальное Отрицание, противоположное (соответственно закону диалектики) анахроническому первому,

которому продолжает следовать большевик Лимонов.

В силу своей косности, Эдичка абсолютизирует первую, наивную молодость, используя её анархо-воинственную энергию в политических перформансах и эпатажных акциях. Вождь кшатриански настроенной молодёжи настаивает на введении закона, лишаящего пенсионеров права голоса, забывая, что сам он пенсионер. Вместо переделывания себя и русской элиты, он предлагает начать с передела народа, а именно: «сломить русский адат — покорность властям». А ведь при наличии подлинно пронародной власти законопослушность русского народа есть замечательная черта его характера. Вождь «другой России» не знает ни русского народа как Целое, как Симфоническое Лицо, ни себя, ибо утверждает, что «блошка человек непознаваем». Да и

что познавать, коль по Лимонову никакой души нет. Бездушный вождь аргументирует эту мысль следующим образом: «Маньяки потрошат мясную куклу, но не находят душу», и приходит к выводу: «молиться надо семени человека, в нём бессмертие».

Боится ли оккупационная власть харьковского героя? Ведь одно дело буйный с Разумом (управляемая реакция), а другое — без. ПОКОИТСЯ ли дело Лимонова на Горней Науке или он просто ПОПРЫГУН, не опасный для бандократии?

Как нужна для спасения Руси такая активность, какую являет трудяга Лимонов! Но никакой самый деятельный вождь, будь он даже легитимный князь, не в состоянии без нынешнего Сергия Радонежского избавить Россию от

нынешнего, беспримерного ига. Энергичность Лимонова без союза с Сакральной Элитой — это донкихотство и не более как вклад в строительство **«страны Лимонии, страны чудес»**, игра в «демократию», которая только утверждается, указуя на то, что вот такая она правдышная, если терпит такого профессионального политика в оппозиции. (Кстати, Сократ, в отличие от Эдички, полагал в основание истинного социального устройства не политику, а э т и к у .)

Да, сложная фигура Эдичка-Эд-Эдуард, украинско-американско-французско-россиянский = всемирный гражданин, он же великорусский националист.

P.S.

«Лимонки», которыми бросается Эдичка, конечно, будоражат немое царство обывательского болота, но чтобы преобразовать «мир сей» нужен объективно грядущий ядерный взрыв Русского Морально-Нравственного бунта. Только он, управляемый Духовной Элитой, является единственным действенным средством обновления Руси и мира, позитивным моментом в биноме апокалипсиса.

Ответ поэту, презревшему Мудрость

В своей статье «Поэт и Мудрец» («Лимонка» № 148) поэт Д. Бахур противопоставил поэзию “прямого действия” и мудрствование — и правильно сделал. Он с поэтическим пафосом призывает “вымыть мир”, “гнать мудрых из среды своей” и “любить поэтов”. Но беда в том, что Бахур не различает на мудрость и Мудрость.

Замечательный ПОЭТ и МУДРЕЦ Григорий Саввич Сковорода говорил: “Все беды людей проистекают от того, что они не умеют считать до двух”. Учитывая, что все делится на слово и Слово, можно

сказать: “поэзия может быть без Мудрости, но Мудрость — всегда Поэзия. Загляните в Библию, и там разделение на мудрость “века сего” и Мудрость Божию (1Коринфянам 2:6,7).

Но Бахур прав, если он нападает на пустое мудрствование, ибо “мудрость мира сего есть безумие” (1Коринфянам 3:19). Однако, что касается подлинной Мудрости, то “только глупцы презирают её” (Притчи 1:7).

Поэт Бахур интуитивно действует по заповеди: “будь безумным, чтобы быть мудрым” (1Коринфянам 3:18). Но мудрость его пока состоит в том, что “управление государством не должно принадлежать мудрецам-философам”. Здесь поэту “без тяжести жизненного опыта” следует привести слова величайшего Мудреца древности Сократа: “О люди, вы не

избавитесь от своих страданий до тех пор, пока не философы будут править миром”. Под философией же Сократ понимал не философствование, а диалектику, овладение которой он рассматривал как трудный и длительный (вплоть до старости) путь познания.

Ленин, которого “безумный поэт с горящим сердцем” назвал великим, говорил: “Не познав и не проштудировав всей «Науки логики» Гегеля, нельзя понять и первой главы «Капитала» Маркса. Поэтому за последние 1/2 века никто Маркса не понял, не исключая Плеханова”. Что же касается “возбужденного и оплодотворяющего” служителя муз Бахура, то он “наполняет землю смыслом” уже потому, что он молод и поэт, а “молодость, — как утверждает Бахур, — всегда права...”

В сборнике Даля есть мудрая русская пословица: “Чем моложе, тем дороже, но чем старее, тем правее”. Вообще, социальная Гармония заключается в союзе Молодости и Старости, в братском содружестве Поэтов-Кшатриев и Брахманов-Мудрецов. Истина, как утверждает диалектическая логика, есть единство Понятия и Реальности, что можно образно представить как единство Мудреца и Поэта = Аскета и Воина.

Абсолютная Истина – в торжестве Русской Идеи, в социальной, национальной и Духовной Революции, несущей ветхому миру Вторую Молодость. Но коренное преобразование мира (прежде всего России) не возможно без Совета Старейшин, умудрённых Духовным Опытом. Это не просто старцы, а старые Воины, без которых не обходилось ни

казачество, ни победоносное воинство Суворова.

Итак, хочется пожелать молодым поэтам-революционерам учиться крепко стоять не только на ногах, но и на голове (как говорил Гегель, имея ввиду Разум).

Чтобы преобразователям мира, исполненным поэтического вдохновения, избежать такого порядка, при котором вначале кривое действие, а потом его анализ, нужно утверждать не “идеологию действия”, а **Действие** Идеологии, и иметь в своих рядах не только ГЕРОЕВ но и ГЕНИЕВ.

Критика догматики евангельских христиан- баптистов

Эта догматика — как, впрочем, всякая сектантская догматика — не что иное, как свод религиозных предрассудков, субъективных мнений и домыслов о Боге.

Являясь якобы откровением Божиим, этот опус с самого предисловия претендует на абсолютную Истину и самоуверенно заявляет, что заключает в себе «весь план спасения рода человеческого». В нём утверждает, что можно без опосредствования, без труда, легко и непосредственно при-

общиться к Истине, не только в смысле веры, но и знания.

Лёгкость, с которой догматика подходит к Истине, подрывает позицию опирающихся на подобный «план спасения».

Ложность выдвинутых этим «планом» положений более чем очевидна. Рассмотрим ряд несостоятельных концепций данной догматики.

1. “Бог имеет четыре определения: Дух, Свет, Любовь, Огонь” (стр.2).

Почему именно четыре? Где остальные имена Бога, даваемые самой Библией, как то: Путь, Истина, Жизнь (Ин 14:16)? И вообще, если Бог есть Слово (Ин 1:1), то имён у Него — бесконечное множество.

2. "...Бог невидим материальными глазами... не осязаем нашими материальными органами..." (стр. 2).

Библия утверждает, что Бог и видим ["Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: "покажи нам Отца"?" (Ин 14:9). В самой же догматике (стр. 32) приводится следующий стих: "...глаза мои видели Царя, Господа Саваофа." (Ис 6:5)] и осязаем ["О том, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши..." (1Ин 1:1-3)].

Правда, обычно буквари* возражают в этом случае следующим образом: Бог прежде был во плоти, а теперь Он её не имеет. Но ведь написано: "Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же" (Евр 13:8).

* = внешние, исторические христиане, стоящие на буквенном, а не духовном понимании Писания (2Кор 3:6).

3. «Если же Бог — Дух, то как Он может быть познаваем, постижим?» (стр. 4). Явно, что догматика не имеет Духа Истины, ибо сказано: «А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух всё проникает, и глубины Божии» (1Кор 2:10), а также: «...Дух истины... наставит вас на всякую истину» (Ин 16:13). И как быть тогда с утверждением апостола Павла, что христиане имеют ум Христов? (1Кор 2:16).

4. В вопросе постижения Истины догматика обнаруживает непоследовательность в том плане, что всё же прибегает к *опосредствованию*, правда на уровне субъективных мнений о Боге «гигантов наук». Этим выказано бессилие защитить свои догматы с помощью одной только Библии, хотя как указано в догматике, «единственная книга, открывающая нам тайну бытия — есть Библия» (стр. 5)

5. Догматика считает, что царства Христова ещё нет, но оно «в недалёком будущем» (стр. 9). Однако написано: «...наступает время, и настало уже, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Ин 5:25). Таким образом, Царство Божие не только настанет, но и настало уже, и находится Оно в самом Человеке, ибо сказано: «...Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:21). Кроме того, если уж речь зашла о Вечности, то Вечность была, есть и будет, а не только будет.

6. «Бог не может опуститься до нашей почвы» (стр. 11).

Это противоречит Библии, где сказано, что Христос «...уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек...» (Флп 2:7); и ещё «...сойду ли в

преисподнюю — и там Ты» (Пс 138:8). По Истине Бог Вездесущ!

7. «Божественная Троица проявила себя:

- Бог Отец, как Воля.
- Бог Сын, как Слово.
- Бог Дух Святой, как Сила» (стр. 13).

Сумбурность и произвол в построении этих атрибутов Бога очевидны. Разве все три ипостаси Бога не есть Одно? Выходит, что Сын не есть Воля, а Отец не есть Сила.

8. «Чтобы представить себе Триединство Бога, можно какое-то сравнение сделать с одним из жизненных элементов... — это вода» (имеются в виду её три состояния) (стр. 13).

Можно ли представить триединую Истину или сравнивать Её с чем-либо?

Всякие потуги в таком предприятии абсолютно тщетны.

9. «Небытия не существует — это вздор и безумие, а бытие может возникнуть только из Вечного...» (стр. 16).

Если бытие возникает, то до его возникновения было небытие. Кроме того, догматика употребляет слово «небытие». Как можно пользоваться тем, чего не существует? Далее, выходит, что Бог есть вздор и безумие, т.к. Он творит бытие из ничто.

10. «Святость... Бога... невозможно человеку объяснить...» (стр. 17).

Зачем догматика пытается сделать невозможное, отводя целую главу объяснению Святости Бога? В этой главе утверждается, что святость Бога превосходит все Его Совершенство. Из этого

следует, что во всём остальном Бог несовершенен.

11. «Праведность Божия открылась и стала действовать от сотворения разумных существ» (стр. 19).

Из этого положения вытекает, что до сотворения разумных существ праведность Божия не действовала.

12. «ВСЕМОГУЩЕСТВО — это совершенство принадлежит только Богу...» (стр. 20).

Если это совершенство — удел только Бога, тогда тем более нельзя быть святым, т.к. святость, по утверждению догматики, есть высшее совершенство. Далее, как можно исполнить Евангельские заповеди: «...Будьте святы, ибо Я свят» (Лев 11:44), «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48)?

Или заявлять: «ВСЁ МОГУ в укрепляющем меня Христе» (Флп 4:13)?

13. Догматика утверждает, что человек и сатана (в переводе с иврита — «враг») не могут составлять одно (стр. 23-24). Но сама Библия отождествляет их: «...враг-человек сделал это» (Мф 13:28). А также: «...отойди от Меня, сатана! ...потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». (Мф 16:23).

14. Догматика допускает примирённость с Богом верующих, т.е. «рождённых свыше», которые, однако, остаются несовершенными. Но ведь написано: «Всякий рождённый от Бога...не может грешить» (1Ин 3:9), «Мудрость мы проповедуем между совершенными» (1Кор 2:6), «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный...» (Иак 3:2).

Несовершенство догматики и её погрешимость в слове абсолютно очевидны. Остаётся только сделать вывод: что это за бог, который «примирился» с несовершенством?